

Л. П. Быков

НЕПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все...

А.С. Пушкин. Евгений Онегин

Время книги прошло —
Начинается век Интернета...

*А. Городницкий. Из стихов,
опубликованных в 2001 году*

Склонный к парадоксам В. Розанов на заре минувшего века предсказывал, что к его концу «типографии будут продаваться на снос и люди станут опять свободны от пишущей братии» («Опавшие листья»). Столетие ушло в историю, и мы видим, что сей прогноз не оправдался. Типографии продолжают множить печатную продукцию, предлагая среди прочего и десятилетиями утаивавшиеся от российского читателя сочинения, в том числе и самого Розанова. Но, согласитесь, *прочего* тиражируется сегодня гораздо больше.

Вот данные социологов: в 1998 году на российском книжном рынке 70% книг по названиям и 80% — по тиражному валу составляли сочинения, именуемые массовой литературой. Детективы, триллеры, душераздирающие романы, фантастические истории — в огромных количествах почти везде, где торгуют книгами. Так, наверное, и должно быть. Торгуют этим — значит, это и покупают. Будем благодарны издателям и распространителям за то хотя бы, что они поддерживают внимание публики к книге. Не ахти какой, понятно, но ведь без книжиц про «Слепого», «Бешеного» или «Комбата» многие в отечестве вообще бы разучились читать что-либо, кроме телевизионной программы.

В последние годы и скорбно констатируют, и сетуют, и возмущаются тем, что Россия разлитературивается. Мол, еще недавно Белинского и Гоголя стремились раздобыть и чуть ни в каждом доме из-за стекол сервантов горделиво выглядывали пригнанные друг к другу тома отечественной и иноземной классики, а ныне на книжных базарах запасаются иным: опусами Марининой, Дашковой, Бушкова, Доценко... У большинства из тех, кто, повторю, еще чи-

тает, предпочтения и впрямь существенно изменились. Однако воздержимся от стенаний и зададимся нехитрым вопросом: а почему так случилось?

Прежде всего признаем: многие ведь и два десятилетия назад не отказались бы от Марининой и Доценко — да только не было их тогда. Вот и читали прокуринскую «Судьбу», гонялись за Пикулем и на «Вечный зов» А. Иванова массово откликались. Не случайно же на едва тогда появившихся ксероксах не только «Архипелага ГУЛАГ» и «Воронежских тетрадей» строки множились, но и «домашние» переводы Агаты Кристи, Рекса Стаута, Сидни Шелдона.

Массовая литература, конечно, потворствует превращению своей аудитории в нечто массовидное, но все же, как бы предложение ни влияло на спрос, все-таки именно он определяет предложение. А спрос на такую продукцию был, есть и будет. Мы столько лет твердили: «Душа обязана трудиться...» Но для труда души необходима праздность. А ежели это труд изматывающий, обусловленный необходимостью поддерживать семейный бюджет или заботой, коль есть еще и «садовые сотки», о запасах на зиму... Поглощенный экономическим усердием, человек если в редкий свободный час и предпочтет телевизору книгу, то, понятно, едва ли на ее обложке будет имя Фолкнера или Платонова.

Книга перестала быть знаком престижности и дефицита. В почете иные ценности. А при этом не упустим, что издания, как и все в стране, вздорожали и не каждому по карману. Масскультурные книжицы, впрочем, в силу своей большей тиражированности, заметно дешевле тех, что многотысячным тиражом ныне не пользуются. И тут самое время задуматься, почему же так ушагренился интерес к тому, что зовется литературой серьезной. Понятно, что однозначным ответом не обойтись. Но вот что, по-моему, учесть стоит.

Мне кажется, отечественный интерес к книге мы, невольнo лстя себе, традиционно преувеличивали. Представлением о России как самой читающей стране мира мы, полагая, обязаны длине линий московского метрополитена. Красноречивы цифры из золотого века: совокупный тираж полного «Евгения Онегина», распространявшийся при жизни автора, составлял 7 400 экземпляров, — и оставались непроданными отнюдь не единичные книги. Перенесемся в Серебряный век: «Стихи о Прекрасной Даме» и «Вечер» — дебютные книги А. Блока и А. Ахматовой, даровавшие им завидную литературную известность, вышли тиражом соответственно в 1 200 и 300 экземпляров.

Да, был у нас нескольколетний период, когда стотысячные тиражи и прозы, и стихов расходились по стране буквально за несколько дней, но не забудем, какие это были несколько дней, какое это было время — шестидесятые, полные упований на «социализм с человеческим лицом». И именно искусство надеялось очеловечить тогдашнюю власть. Увы, властители, как не раз у нас было и будет, испугались собственных демократических поползновений и... тем самым парадоксально способствовали поддержанию тогда общественного внимания к слову писателя.

Ограничивая свободу высказывания (вспомним уголовное преследование И. Бродского, Ю. Даниэля и А. Синявского, А. Солженицына, травлю Б. Пастернака и А. Твардовского с его «Новым миром»), верхи укрепляли общественный авторитет ими третируемых. Власть боялась их слова, ибо, подобно пишущим, полагала, что слово способно быть делом. Теперь по-

добных утопических чаяний нет ни у правителей, ни у писателей. Нет веры в возможности слова и у читателей.

В годы, назвавшие себя перестроечными, общество еще полагало, что честный рассказ о былых и настоящих наших бедах поможет изживанию их в будущем. Ныне остается повторить невеселую констатацию поэта:

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных оград
Смотрит месяц медный...

Буковки-муравьи на бумаге или звуковые волны в пространстве, называемые словами, девальвировались за последние годы в гораздо большей степени, чем те бумажки, что называются рублями. И поэтому, скажем, известность самого громкого из шестидесятников Евгения Евтушенко померкла на фоне популярности шоумена Николая Фоменко. И поэтому на телеэкране, где годами упражняются надувные Петросян и Дубовицкая, мгновенно истекло время для несуетных раздумий А. Солженицына.

А к социальному плюсуется и фактор цивилизационный: журнал и книга вытесняются телевизором и компьютером. Мир попался в сети Интернета. Так что не удивительно, что литература перестает быть важнейшим из искусств в отчестве, каковым она все-таки была. (Недаром же именно Пушкин был «нашим всем», и недаром в русском языке привычным было словосочетание, в других наречиях воспринятое бы как плеоназм: литература и искусство.) Не потому ли урезают школьную программу по литературе, а выпускное и вступительное сочинение заменяют изложением или тестированием. Единственный в среднем звене обучения личностнообразующий предмет вот-вот окажется в одном скромном ряду с уроками пения и рисования.

Искусство слова все реже воспринимается как пища духа и все чаще ассоциируется со сферой досуга. И, стало быть, потребления. Несомненно, на подобном отношении к нему сказалась и такая очевидная особенность последних десятилетий, как ценностная недостаточность. «Бытие (а с ним и время) словно бы утратило глубину. События и факты (зачастую не бог весть какие) прокатываются по нам, как волны, то в одну, то в другую сторону... словно бы не мы живем, а некая общая биологическая жизнь *живет* нас, проживает нас», — сокрушается в «Литературной газете» (1993. 31 марта) В. Маканин. Ему вторит в «Новом мире» (1996. №1) С. Аверинцев: «Значительность вообще, значительность как таковая просто улетучилась из жизни... Ее отсутствие вдруг принято всеми как сама собой разумеющаяся норма». А М. Золотоносов в «Московских новостях» (1999. 7–14 марта) судит еще категоричней: «Жизнь стала настолько простой, что не в состоянии стать предметом полноценной литературы».

Серьезные художники, такие, как В. Астафьев, Л. Петрушевская или тот же В. Маканин, в своих книгах, написанных на исходе века и тысячелетия (а условности календаря в эти годы духовному подъему тоже не способствовали) зафиксировали не только российскую, но и, кажется, общемировую ситуацию, когда энергия распада и хаоса оказывается куда очевиднее и действительнее устремленности к созиданию и гармонии. Их творческую честность понять можно. Но вот какая тут закавыка. Служитель муз, выставя в условиях гласности перед безрадостной реальностью зеркало искусства, полагаю, надеялся, что отразившаяся в нем карти-

на ужаснет современников и они, воскликнув, подобно известному кино-режиссеру: «Так жить нельзя!», попробуют жить содержательней и толковей. А получилось, что хаоса, благодаря этим многочисленным отражениям, стало не меньше, а больше. Чрезвычайное перестало восприниматься как чрезвычайное. И это обстоятельство тоже не могло не повлиять на отношение публики к искусству.

Изгойства, мерзостей, разборок, патологии на страницах и экранах выплеснулось так много, что понимаешь одного из литераторов, который недавно высказывался в том плане, что когда на Страшном суде будут судить писателей и художников, то «справедливее всего было бы отправить их в те самые миры, которые они же и создали своим творчеством» (В. Артемов).

Ныне, как, пожалуй, никогда, велика нужда в «освежительном слове» (Н. Гоголь), которое помогало бы поддерживать веру в то, что

Не все раскрадено, размыто,
разобщено,
не все лицом в свое корыто
обращено.

Нет, я не об идеализации тоскую, а о том, четвертом, измерении или, по Гумилеву, шестом чувстве, каковое способно нам даровать — в отличие от масскультуры — именно искусство.

Соблазняя обещаниями комфорта, российский быт («постмодернизм здесь наложился на маразм» — диагноз Т. Щербины) силится превратить остающихся в стране в быдло. Человеческое «я» уплощается и укрощается. Настоящее же искусство умеет обогатить душу и усложнить переживания. Есть ли такие книги, помогающие крепить духовную стойкость и не унижением человека упивающиеся, а возвышению его содействующие?

Конечно же, есть. Назову некоторые из них. «Казенная сказка» Олега Павлова, «Сонечка» Людмилы Улицкой, «Каждый раз весной» Юрия Карабчиевского, «Разговоры с богом» Геннадия Русакова, «Суер-Вьер» Юрия Коваля, «Жители травы» Дмитрия Шеварова, «Бичарня» Анатолия Новикова, «Как я съел собаку» Евгения Гришковца, «Четвертый сон» Веры Павловой...

Спросите: где их можно прочесть? Что-то напечатано в «Новом мире» и «Знамени», «Дружбе народов» и «Урале» (толстые журналы, к счастью, еще не сошли с российской сцены). Что-то выходило отдельными книгами. Вообще, уверен, что замечательной прозы, поэзии, документалистики, не говоря уже о научных трудах и разного рода справочниках, теперь издается куда больше, чем в пору и «оттепельного», и «перестроечного» читательских бумов. Книжки-то выходят, а вот до читателя, который был бы им рад, они, к сожалению, не всегда доходят. Проблемы книгораспространения сегодня куда острее, чем и проблемы книгоиздания.

Скажем, вышла недавно в Петербурге дебютная книга сколь молодого, столь и перспективного нашего земляка Бориса Рыжего. Около полусотни страниц всего, но столь раскованной интонации давно в нашей поэзии не было. И наверняка в Екатеринбурге многие приобрели бы этот сборничек: в одной горной академии, где учился удачливый автор, пожалуй, разошлось бы несколько сот экземпляров. Увы, в нашем городе «И все-такое...» (имя книги) есть лишь у тех, кому ее подарил сам поэт. Ибо при тираже в тысячу экземпляров до местных лот-

ков и прилавков добраться у нее шансов не было. Как, к слову, и до фондов университетской библиотеки.

Серьезная книга нуждается пусть не в рекламе, то по крайней мере в информации. Но вести такого рода если на ТВ и появляются, то лишь раз в неделю, в 15-минутной передаче на канале «Культура» (чье название будто нарочно оттеняет невостребованность таковой на остальных каналах). Между тем новость о том, что какая-то начинающая наша теннисистка уже в первом круге проиграла еще менее известной спортсменке из Новой Зеландии, я сегодня за день слышал дважды по телевизору и неоднократно по радио.

Бродский считал себя и своих сверстников последним поколением читателей. Хочется думать, что в этом предположении он все-таки ошибся. Время книги проходит? Возможно. Но в наших силах сделать этот процесс как можно более длительным. Напомню бесхитростную истину, сформулированную автором «Доктора Живаго»: «Кончается все, чему дают кончиться, чего не продолжают».